

ДЖЕК ЛОНДОН

Джек Лондон

АЛАЯ ЧУМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дорога вела вдоль насыпи проложенной тут когда-то железной дороги. Но уже много лет ни один поезд здесь не проходил. Лес возвышался по обеим сторонам насыпи, перекидываясь через нее зелеными волнами деревьев и кустарника. Тропинка была так узка, что пробраться по ней мог лишь человек или дикое животное. Кое-где кусок заржавленного железа торчал из земли, свидетельствуя о том, что рельсы и шпалы еще сохранились. В одном месте десятидюймовое дерево, прорвавшись на месте скрепа, приподняло кусок рельса. Шпала, скрепленная с рельсом костылем, тоже приподнялась; ее ложе было наполнено песком и гнилыми листьями, и теперь гниющий кусок дерева странно торчал. Какой бы древней ни была эта дорога, было очевидно, что она — одноколейка. Старик и мальчик шли по этой дороге. Они двигались медленно, так как старик был очень стар и шел, тяжело опираясь на палку. Грубая, плотно надвинутая шапка из козьей кожи защищала его голову от солнца, а короткие грязно-белые волосы космами падали на шею. Он смотрел себе под ноги,

на тропинку, из-под козырька, замысловато сделанного из большого листа. Его седая борода, такая же грязная, как и волосы, спускалась до самого пояса — всклокоченная и запутанная. На плечах висела простая грязная козья шкура. Его руки, морщинистые и высохшие, и множество рубцов и шрамов говорили о преклонном возрасте и пережитой борьбе со стихией.

Мальчик, шедший впереди, сдерживал порывистость своих движений, чтобы приноровиться к медленной походке старика. На нем также был обтрепанный кусок медвежьей шкуры с отверстием посередине для одевания. Было ему не более двенадцати лет. За ухом у него кокетливо торчал свиной хвост, по-видимому, недавно добытый. В одной руке он нес небольшой лук со стрелой, а за спиной висел колчан со стрелами. Из ножен, болтавшихся у него на шее, высовывалась изогнутая рукоятка охотничьего ножа. Мальчик был очень смугл и шел мягким, почти кошачьим шагом. Контрастом с его загорелым лицом были его глаза — голубые, вернее, темно-голубые, но острые и сверлящие, как два бурава. Казалось, они проникают всюду на этой дороге — такой обычной. При ходьбе он нюхал воздух подвижными, трепещущими ноздрями, непрерывно передающими мозгу вести из внешнего мира. Так же как и обоняние, был развит его слух, действовавший совершенно автоматически. Без сознательного усилия он слышал самые слабые звуки в этой ясной тишине — слышал и распознавал их, будь это легкий шум ветра в листве, жужжание пчелы и комара или отдаленное ворчание моря, убаюкивавшее его.

Внезапно он напряженно прислушался. Обоняние, зрение и слух одновременно предостерегли его. Его рука осторожно коснулась старика, и оба тотчас же остановились. Впереди с другой стороны насыпи послышался хруст, и взгляд мальчика приковался к колеблющимся кустам. Вслед за этим большой серый медведь, гризли, появился на дороге и круто остановился при виде людей. Он не любил их и брезгливо зарычал. Медленно вставил мальчик стрелу в лук и, не спуская глаз с медведя, медленно натянул тетиву. Старик, стоя так же спокойно, смотрел на опасность из-под своего козырька. Несколько секунд продолжалось обоюдное исследование; потом медведь выказал возрастающее раздражение, и мальчик движением головы дал знак старику отойти от тропинки. Он следовал за стариком, держа наготове лук и стрелу. Они подождали, пока хруст в кустах не убедил

их, что медведь ушел. Мальчик засмеялся и повернул обратно на тропинку.

— Большой медведь, Грэнсэр¹, — хихикнул он.

Старик покачал головой.

— Их становится все больше и больше с каждым днем, — пожаловался он тонким голосом. — Кто бы подумал, что я увижу времена, когда человеческая жизнь будет в опасности по дороге к Высокому Дому. Когда я был мальчиком, Эдвин, мужчины, женщины и маленькие дети приходили сюда в хорошую погоду из Сан-Франциско десятками тысяч. И здесь не было ни одного медведя. Ни одного! Люди платили деньги, чтобы посмотреть на них в клетках, — так они были редки.

— Что такое деньги, Грэнсэр?

Прежде чем старик ответил, мальчик вспомнил и с торжеством вытащил из кармана в медвежьей шкуре потертый, тусклый серебряный доллар. Глаза старика заблестели, когда он поднес монету к своим глазам.

— Я не вижу, — пробормотал он, — посмотри и, если можешь, скажи-ка число, Эдвин.

Мальчик засмеялся.

— Ты такой старый, Грэнсэр, — воскликнул он с восторгом, — а всегда веришь, что эти значки что-то означают!

Старик был раздосадован и поднес монету ближе к глазам.

— Две тысячи двенадцатый, — воскликнул он и быстро забормotal: — Это тот самый год, когда Совет магнатов назначил Моргана Пятого президентом Соединенных Штатов. Монета эта, вероятно, последней чеканки. Ведь Алая смерть пришла в две тысячи тринадцатом году! Боже! Боже! Подумать только. Шестьдесят лет назад было все это, и я единственный человек, живший в те времена. Где ты нашел ее, Эдвин?

Мальчик, с любопытством слушавший болтовню слабоумного старика, живо ответил:

— Я взял ее у Хоу-Хоу. Он нашел ее, когда пас коз прошлой весной возле Сан-Джозе. Хоу-Хоу сказал — это деньги. Ты не голоден, Грэнсэр?

¹ *Granser* — испорченное *Gransir* — предок, старик. (Здесь и далее по тексту — прим. переводчика.)

Старик поднял палку, упавшую в канаву, и торопливо заковылял по тропинке. Его старые глаза жадно блестели.

— Я думаю, Заячья Губа нашел парочку крабов, — бормотал он. — Это хорошая еда — крабы, особенно если у вас нет зубов, а ваши внуки, любящие своего деда, стараются поймать их для вас. Когда я был мальчиком...

Но Эдвин внезапно остановился, натянув тетиву с приготовленной стрелой. Он стоял у самого края расщелины, образованной подземным потоком, промывшим здесь себе выход. По другую сторону виднелся обвитый вьющимся виноградом кусок ржавого рельса. Вдали, притаившись за кустом, выглядывал дрожащий от страха кролик. Расстояние было не меньше пятидесяти футов, но стрела летела наверняка, и пронзенный кролик, крича от испуга и боли, быстро скользнул в кусты. Мальчик просиял и, перепрыгнув расщелину, помчался к добыче. Напряжение его мышц нашло себе выход в быстрых и ловких движениях. Далеко в чаще кустов он схватил раненое животное и, отрубив ему голову на подходящем пне, вернулся к Грэнсэру.

— Кролик хорош, очень хорош, — бормотал старик, — но что касается тонких блюд, я предпочитаю краба. Когда я был мальчиком...

— И чего ты всегда несешь такую чушь! — нетерпеливо перебил Эдвин дальнейшую болтовню.

Он произносил эти слова неправильно, эта неправильность сказывалась в гортанном порывистом говоре и упрощении фраз. Его говор напоминал немного говор старика, и последующий разговор шел на искаженном английском языке.

— Я хочу знать, — продолжал Эдвин, — почему вы называете краба «тонкое блюдо». Краб есть краб, не так ли? Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл его так забавно.

Старик вздохнул, но ничего не ответил, и они шли в полном молчании. Прибой стал внезапно громче при выходе из леса на песчаные дюны, окаймлявшие море. Несколько коз щипали траву на песчаных холмиках под присмотром мальчика в козьей шкуре и собаки, напоминавшей шотландскую овчарку. Смешиваясь с гулом прибоя, слышался непрерывный лай или рев, несшийся из-за кучи разбитых камней за сотню ярдов от берега. Это огромные нерпы дрались и воевали друг с другом за место на солнце. Невдалеке поднимался

дым от костра, разведенного третьим мальчиком. Возле него сидело несколько волкодавов, точно таких же, как собака, охраняющая стадо.

Старик ускорил шаги и, сильно пыхтя, подошел к огню.

— Ракушки! — бормотал он в восторге. — Ракушки! А разве это не краб? Мой, мой! Вы, мальчики, так добры к своему старому деду.

Хоу-Хоу был приблизительно одного возраста с Эдвином; он ослабил.

— Бери сколько хочешь, Грэнсэр. Я поймал четырех.

Нетерпение параличного старика было достойно жалости. Быстро опустившись на песок, насколько позволяло ему его онемевшее тело, он схватил большую раковину прямо с углей. В огне скорлупа отпала, и ее мясо цвета лосося было совершенно готово. С дрожащей поспешностью он схватил кусок и сунул его в рот. Но кусок был горяч, и он с той же поспешностью выплюнул его. Старик кашлял от боли, и слезы текли по его щекам.

Но мальчики, как истые дикари, обладали жестоким юмором варваров. Они принялись громко смеяться, находя это зрелище весьма забавным. Хоу-Хоу стал танцевать вокруг костра, а Эдвин катался по земле от удовольствия. И мальчик, пасший коз, прибежал присоединиться к их веселью.

— Остуди их, Эдвин, остуди их, — умолял огорченный старик, не пытаясь вытереть слез, бежавших по его щекам. — И краба тоже, Эдвин. Ведь вы знаете, что ваш дед любит крабов.

Из огня послышалось шипение от лопнувших раковин, выпустивших свой сок. Это были большие ракообразные рыбы, от трех до шести дюймов в длину. Мальчики вытащили их палками из углей и положили остудить на большие куски дерева.

— Когда я был мальчиком, мы никогда не смеялись над старшими; мы уважали их, — сказал Грэнсэр.

Мальчики не обратили внимания на это замечание, и Грэнсэр продолжал изливать потоки жалоб, выражая свое недовольство. Но на этот раз он был осторожней и не обжег себе рта. Все принялись за еду, хватая куски руками, громко чавкая и сопя. Третий мальчик — Заячья Губа — насыпал горсть песка в раковину, которую ел старик; и когда песок захрустел между его десен, снова поднялся громкий смех. Не подозревая, что с ним сыграли шутку, он кашлял и плевался

до тех пор, пока Эдвин, сжалившись, не принес ему в тыкве воды прополоскать рот.

— Где же крабы, Хоу-Хоу? — спросил Эдвин. — Теперь Грэнсэр хочет закуски.

Глаза старика снова жадно блеснули, когда он получил большого краба. Это была целая скорлупа, но все мясо было вынуто. Трясуцимся руками, дрожа от предвкушения наслаждения, старик отломил ногу краба и нашел ее совершенно пустой.

— А где же крабы, Хоу-Хоу? — захныкал он. — Где же они?

— Я пошутил, Грэнсэр. Это не крабы. Я не нашел ни одного.

Мальчики были в восторге, видя разочарование старика и слезы, капающие из его глаз. Потом незаметно Хоу-Хоу положил в пустую скорлупу только что испеченного краба. Над мясом поднималось маленькое ароматное облачко пара. Это заставило старика принюхаться, и он заглянул внутрь скорлупы. Переход от горя к радости был мгновенен. Он сопел, пыхтел и ворчал от восторга, принимаясь за еду. Для мальчиков это было привычное зрелище, так же как невнятные восклицания, которых они не понимали.

— Майонез! Подумайте только — майонез! Шестьдесят лет прошло с тех пор, как был сделан последний! Два поколения — и нет даже помину о нем. А в те дни в каждом ресторане можно было получить краба.

Пресытившись, он вздохнул и, вытерев руки о свои голые колени, стал смотреть на море. Утолив голод, он предался воспоминаниям:

— Подумать только! Я видел этот берег, весь усеянный мужчинами, женщинами и детьми в ясное воскресное утро. Тогда ни один медведь не угрожал. А здесь, на холме, был большой ресторан, где вы могли получить все, что душе угодно. Четыре миллиона людей жили тогда в Сан-Франциско. А теперь-то во всей области нет и сорока человек. А сколько пароходов приходило и уходило через Золотые Ворота! А воздушные корабли — дирижабли и аэропланы! Делали они по двести миль в час. Это был тот минимум, который требовался по договорам с компаниями Нью-Йорка и Сан-Франциско. Был здесь один парень, француз, — я забываю его имя, — который едва не достиг трехсот. Дело было рискованное, очень рискованное для предусмотрительных людей, но он был на верном пути и добился бы своего, если бы не Великая чума. Когда я был мальчиком, жили

люди, помнившие появление первых аэропланов. Но шестьдесят лет назад мне пришлось увидеть последний.

Старик продолжал разглагольствовать, не замечаемый мальчиками; они давно привыкли к его болтовне, и в их лексиконе недоставало многих слов, употребляемых им. Было заметно, что в его странных речах как будто возрождается старый английский язык. Когда же он обращался к мальчикам, его речь становилась снова неуклюжей и простой.

— Но в те времена не было столько крабов, — продолжал старик. — Они считались деликатесами, и их сезон продолжался не больше месяца. А теперь крабы доступны круглый год. Подумать только — ловить сколько угодно крабов в какое угодно время на берегу Высокого Дома!

Внезапное смятение среди коз подняло мальчиков на ноги. Собаки, лежавшие у огня, бросились на помощь своему товарищу, охраняющему стадо, а козы сбились в кучу под защиту человека. С полдюжины волков, худых и серых, бродили вокруг песчаных холмиков, скаля зубы на ошетилившихся собак. Пущенная Эдвином стрела упала слишком близко. Заячья Губа пращой, подобной праще Давида в его единоборстве с Голиафом, бросил камень, просвистевший в воздухе. Он упал в стаю волков, и они скрылись в темной чаще эвкалиптового леса. Мальчики рассмеялись и снова улеглись на песок, в то время как Грэнсэр тяжело вздыхал. Он поел слишком сытно и продолжал бормотать.

— Преходящие мысли исчезают, словно пена, — процитировал он. — Да, все это пена и все бrenно. Вся человеческая работа на земле тоже не что иное, как пена. Человек приручил животных, истребил хищников и очистил землю от диких растений. Но он исчез, и первобытная жизнь вернулась снова, сметая всю работу человека: леса заглушили его поля, хищники напали на его стада, и теперь волки рыщут на берегу Высокого Дома. — Он был в ужасе от этой мысли. — Там, где четыре миллиона людей жили счастливые, ныне бродят дикие волки, и наше одичавшее потомство защищается доисторическим оружием от своих свирепых врагов. Подумать только! И все это — Алая смерть.

Эти последние слова привлекли внимание Заячьей Губы.

— Он всегда так говорит, — обратился он к Эдвину. — Что такое алый?

— Алость клена потрясает меня, словно звук охотничьего рога, — снова процитировал старик.

— Это все равно что красный, — ответил Эдвин. — Ты не знаешь этого потому, что производишь из рода Шоферов. Они никогда ничего не знали. Никто из них. Алый и есть красный — я знаю это.

— Но красный есть красный, не правда ли? — проворчал Заячья Губа. — Что тут хорошего называть петуха алым?.. Грэнсэр, почему ты всегда говоришь слова, которых никто не понимает? — спросил он. — Алый ничего не значит, а красный есть красный. Почему же ты не говоришь «красный»?

— Красный — это не совсем верно, — был ответ. — Чума была алой. Все лицо и тело становились алыми в течение одного часа. Разве я не знаю? Разве я недостаточно видел все это? И я говорю вам, что она была алой, потому что — да, потому что она была алой. Другого слова нет для нее.

— Красное для меня достаточно хорошо, — настойчиво проворчал Заячья Губа. — Мой отец называет красное красным, а он-то кое-что знает. Он говорит, что все умерли от Красной смерти.

— Твой отец простой человек и произошел от простого человека, — горячо возразил Грэнсэр. — Разве я не знаю, от кого Шоферы произошли? Твой дед был шофером, без образования. Он работал на других. Но твоя бабушка была хорошего происхождения, только дети пошли не в нее. Разве я не помню, когда я встретил их ловящими рыбу у Темескальского озера?

— Что такое образование? — спросил Эдвин.

— Называть красное алым, — усмехнулся Заячья Губа и снова стал нападать на Грэнсэра. — Мой отец говорил мне — а он слышал от своего отца, — что твоя жена была Санта-Розана. Он говорил — перед Красной смертью она была кухаркой, хотя я не знаю, что такое кухарка. Скажи-ка мне, Эдвин.

Но Эдвин в недоумении покачал головой.

— Да, верно, она была прислугой, — признал Грэнсэр, — но она была хорошая женщина; твоя мать была ее дочерью, Заячья Губа. После чумы осталось очень мало женщин, и я мог взять в жены

только ее, хотя она и была кухаркой, как называет ее твой отец. Но нехорошо так говорить о своих предках.

— Отец говорит, что жена первого Шофера была леди.

— Что такое леди? — спросил Хоу-Хоу.

— Леди — жена Шофера, — был быстрый ответ Заячьей Губы.

— Первого Шофера звали Биллом; он был простой парень, как я говорил вам раньше, — объяснял старик, — но его жена была леди — настоящая леди. До Алой смерти она была женой Ван-Вардена, председателя Совета промышленных магнатов; он был один из дюжины управлявших Америкой. Он был миллионер, восемьсот миллионов долларов таких вот монет, как в твоём кармане, Эдвин. Но пришла Алая смерть, и его жена стала женою Билла, первого Шофера. Он ее бил. Я сам видел это.

Хоу-Хоу, лежа на животе, лениво роясь в песке, вдруг вскрикнул и, осмотрев ноготь, а затем ямку, которую он вырыл, стал быстро разрывать землю. Оба мальчика присоединились к нему и начали копать вместе с ним, пока не обнажились три скелета. Два казались взрослыми, а третий — подростком. Старик тоже подполз посмотреть на находку.

— Жертвы чумы, — проговорил он. — Последние дни они умирали повсюду. Это, вероятно, целая семья, бежавшая от заразы и погибшая здесь, на берегу Высокого Дома. Они... Что ты делаешь?

Этот вопрос был в ужасе задан Эдвину, который, вытащив охотничий нож, принялся выламывать зубы в одном черепе.

— Нанижу их, — был ответ.

Трое мальчиков принялись с шумом за дело, в то время как Грэнсэр разговаривал сам с собой:

— Вы настоящие дикари. Вот уж появился обычай носить человеческие зубы. В следующем поколении вы просверлите себе носы и уши и будете носить украшения из кожи и костей. Я знаю. Человечество обречено опускаться все глубже и глубже в первобытную тьму и снова начать свою кровавую погоню за цивилизацией. Когда мы размножимся так, что нам станет тесно, мы начнем убивать друг друга. А потом, я думаю, вы будете носить вокруг талии человеческие скальпы так же просто, как ты, Эдвин, самый благоразумный из моих внуков, вот эту цепочку. Брось ее.

— Какой шум поднимает этот старый гусак, — заметил Заячья Губа, вытащив все зубы и принимаясь за дележ.

Мальчики были очень быстры и резки в своих движениях и в моменты горячего спора при дележе обменивались фразами, походившими на рычание. Они перебрасывались короткими односложными восклицаниями, и их разговор был сплошной тарабарщиной. Были намеки на грамматические конструкции, свойственные более высокой культуре. Даже речь Грэнсэра была настолько искажена, что, если бы ее привести в точности, она была бы непонятна читателю. Но таким языком он говорил с мальчиками. Когда же он болтал сам с собой, его говор постепенно превращался в чистую английскую речь. Фразы становились длинней, ритмичней и даже — литературными.

— Расскажи нам о Красной смерти, Грэнсэр, — попросил Заячья Губа, когда дележ зубов окончился.

— Алой смерти, — поправил Эдвин.

— Только не рассказывай нам так смешно, — продолжал Заячья Губа. — Рассказывай понятно, Грэнсэр, как умеют рассказывать Санта-Розана. Другие Санта-Розана не говорят так, как ты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Старик был доволен этим предложением. Он прочистил горло и начал:

— Двадцать или тридцать лет назад мой рассказ был в большом почете. Но теперь никто не интересуется...

— Опять начинается! — горячо воскликнул Заячья Губа. — Пропускай ерунду и говори понятно. Что такое интересуется? Ты говоришь как ребенок, который не знает, что говорит.

— Оставь его в покое, — сказал Эдвин, — или он опять взбеленится и не захочет рассказывать. Можно пропускать ерунду и слушать только то, что нам понятно.

— Продолжай, Грэнсэр, — поощрил Хоу-Хоу.

Старик снова начал ворчать о неуважении к старшим и возврате от высшей культуры к былой жестокости дикарей. Рассказ начался.

— В те дни было много народу на свете; в одном Сан-Франциско — четыре миллиона.

— Что такое миллион? — перебил Эдвин.

Грэнсэр посмотрел на него с сожалением:

— Я знаю, вы можете считать только до десяти, но я объясню вам. Протяните ваши руки. На обеих руках у тебя десять пальцев. Хорошо. Я беру эту горсточку песку — держи ее, Хоу-Хоу, — он насыпал песок мальчику на ладонь и продолжал: — Теперь эти крупинки песка лежат против пальцев Эдвина. Я прибавлю другую горсть. Это еще десять пальцев. Я прибавлю еще, еще и еще, пока не станет столько горстей, сколько у Эдвина пальцев. Это составляет одну сотню. Запомните это слово — одна сотня. Теперь я кладу этот голыш на руку Заячьей Губы. Он лежит перед десятью горстями песка, или десятью десятками пальцев, или перед сотней пальцев. Я кладу десять голышей; это составляет тысячу пальцев. Я беру раковину, она лежит перед десятью голышами, или сотней горстей песку, или тысячью пальцев... — И так, с большим трудом и не уставая повторять одно и то же, он старался дать им примитивное представление о числах. По мере того как числа росли, он собирал разные предметы и клал их на руки. Для символизирования очень больших чисел он взял кусочек дерева; и наконец для миллиона были взяты зубы скелетов, а для миллиарда — скорлупа крабов. Но здесь он остановился, так как мальчики стали выказывать утомление.

— Итак, в Сан-Франциско четыре миллиона людей — четыре зуба.

Глаза мальчиков перебегали с предмета на предмет и с ладони на ладонь, с камешков на песок и на пальцы Эдвина, силясь представить себе непостижимые числа.

— Это было целое сборище людей, Грэнсэр? — спросил наконец Эдвин.

— Как песок здесь, на берегу, как вот этот песок, каждая крупинка песка — мужчина, женщина или ребенок. Да, мальчики, все эти люди жили как раз здесь, в Сан-Франциско. Иногда весь этот народ приходил сюда, на берег, — больше людей, чем здесь крупинок песка. Больше, больше, больше! А Сан-Франциско был прекрасный город. И возле залива — где мы жили в прошлом году — было еще больше людей. С самого Ричмонда — равнины и холмы, вся дорога вокруг Сан-Леандро — один большой город с семью миллионами населения. Вы понимаете, семь зубов — вот это семь миллионов.

СОДЕРЖАНИЕ

Джек Лондон

Алая чума 4

Герберт Джордж Уэллс

Машина времени 48

Война в воздухе 130

Грааль Арельский (Стефан Стефанович Петров)

Повести о Марсе 400

 Обсерватория профессора дагина 400

 Два мира 408

 К новому солнцу 427

Симон Бельский

Под кометой 454

Валерий Брюсов

Восстание машин 500

Республика Южного Креста 508

Последние мученики 529